

- [Великий и в малом Московский митрополит Филарет](#)

- [Примечания](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)

- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)

- [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
 - [111](#)
 - [112](#)
 - [113](#)
 - [114](#)
 - [115](#)
 - [116](#)
 - [117](#)
 - [118](#)
 - [119](#)
 - [120](#)
 - [121](#)
 - [122](#)
 - [123](#)
-

Великий и в малом Московский митрополит Филарет

Пройдут века: имя его вырастет необыкновенно. Мысль будет искать в прошедшем его великого образа, и счастлив, кто увидит его несовершенный портрет...

Из записок Преосвященного Леонида, архиепископа Ярославского.

Нравственный характер каждого человека запечатлевается на всех сторонах его деятельности. То же, конечно, было и у митрополита Филарета. Этот характер отражается во всем, что ни делал бы и где бы ни участвовал наш Святитель; ярко обрисовывается в его отношениях к государству, в деятельности синодальной, в его управлении Московской [Церковью](#) и паствой, в его отношениях к различного рода обществам и учреждениям, служащим народному просвещению и делу благотворения, — этот характер, говорим, хорошо виден на всем, что носит печать официальности, где однако ж не столько личная воля, сколько закон и установленные правила намечают и определяют направление и тон деятельности.

Но не об этом официальном обнаружении нравственных качеств Святителя хотим говорить мы. Наше дело, т.е. дело, какое мы хотим принять на себя, — совсем другое и очень не сложное. Мы хотим собрать воедино черты, характеризующие нравственный облик митрополита Филарета в его частной обыденной жизни, со стороны тех житейских мелочей, в которых очень часто человек обнаруживает себя со своими достоинствами и недостатками полнее, ярче и нагляднее, чем в деятельности, происходящей на глазах всех, официальной и наиболее ответственной. Нас интересуют, скажем еще яснее, мелкие черты нравственного образа Святителя, тем более, что мы не знаем, обращал ли кто внимание на эту очень не крупную, а потому, по-видимому, мало привлекательную задачу.

Рисуя себе образ митрополита Филарета, мы не иначе представляем его себе, как человеком гигантской воли и твердого ума, способного решать все вопросы быстро и беспрепятственно. Однако ж, если мы заглянем в его душу в те годы, когда ему приходилось выбирать для себя жизненный путь, то увидим в нем какого-то другого человека, который как будто бы мало походил на того святителя Филарета, какого знает история. И то правда сказать: это еще не был Филарет, а лишь Василий Михайлович Дроздов. Осматриваясь вокруг, мы видим, как люди, в особенности в настоящее время, легко берут жребий, определяющий навсегда жизненный путь. Не так было у Филарета. Выбор жизненного пути для него был большой психологической задачей.

Получив одно письмо от своего отца, Филарет, тогда еще мирянин, говорит, что это письмо дает ему «случай внимательно размыслить о свете», и так размышляет он о «свете», т.е. о жизни в обществе. «Я представляю, что и я некогда должен вступить на сию сомнительную сцену, на которую теперь смотрю со стороны, где нередко невежество и предрассудок рукоплещет, освистывает злоба и зависть... И мне идти по сему пути, где мечут под ноги то камни, то золото, о которые равно удобно претывается неопытность или неосмотрительность»¹. Несколько позднее он же замечал: «Первая часть науки жить в свете есть наука быть более или менее — хамелеоном»².

Прошло после этого еще четыре года, а Василий Михайлович еще не вышел из периода сомнений и колебаний в решении вопроса: какой путь жизни избрать себе. Вот что писал он отцу: «Меня затрудняет несколько будущее; но я, не могши прояснить его мрачности [т.е. темноты], успокоиваюсь, отвращая от него взоры, и ожидаю, доколь упадут некоторые лучи, долженствующие показать мне дорогу. Может быть, это назовут легкомыслием... Пусть, кто хочет, бежит за блудящим [блуждающим] огнем счастья; я иду спокойно, потому что я нигде не вижу постоянного света»³.

Почти в то же время он опять писал отцу: «Отчего это происходит, что я теперь менее доволен собою, а более ко всему холоден, нежели когда-нибудь? Я похож на такого человека, который стоит в глубокую ночь на пустой дороге, не хочет ни быть [оставаться] на одном месте, ни подвинуться вперед». «Вы не находите в моих мыслях точных мыслей; но я сказал Вам, что и в голове моей нет их. Если бы я имел решительное намерение, Вы бы уже знали его. То, что я вижу и знаю, и к чему склоняют меня, не довольно мне нравится [разумеется священство и семейная жизнь]. Другое, противное сему, не довольно мне известно [очевидно, речь идет о монашестве]»⁴.

Но спрашивается, отчего так долго и сильно колебалось решение учителя лаврской семинарии относительно выбора жизненного пути? Человек с таким крепким умом и сильной волей, как Филарет, колеблется, как слабая тростинка? Полагаю, что разгадку нужно искать в свойствах его сердца. Сердце холодное, управляемое расчетами и житейскими соображениями, решило бы вопрос без всяких внутренних терзаний. Ведь учесть шансы житейских выгод и невыгод вовсе не трудно, если руководствоваться банальными мотивами. Но у Филарета было сердце, которое жило другими чувствами. Мы уверены, что его нежное сердце долго не могло найти правильного решения вопроса: что лучше — использовать ли свое недюжинное духовное достояние на самого себя и на немногих близких (в случае принятия священства), или же распротереть его на многих, с ущербом для своих личных интересов (в случае принятия монашества). Великодушие, наконец, возобладало в нем, и он, хотя и после многих дум, решил вопрос так, что в его решении собственная личность получила второстепенное значение.

Это митрополит Филарет доказал всей своей последующей деятельностью. Думать и помнить о себе как можно меньше, а о других возможно больше — стало и было правилом его жизни.

В самом деле, если мы просмотрим всю наличную литературу, имеющую отношение к митрополиту Филарету, то мы в ней нигде не найдем следов, свидетельствующих, что он любил и холил себя и старался о том, чтобы жизненный путь его был усыпан розами. Ни о чем таком он не помышлял и ни о чем подобном нимало не заботился. Мы можем привести несколько поистине трогательных примеров, указывающих, как он мало прилагал попечения о том, чтобы в своей жизни пользоваться земными благами в большей мере, чем это доступно обыкновенным смертным. Все, что хоть сколько-нибудь напоминало роскошь или прихоть, если дело касалось его, не только не увеселяло его, но приводило в смущение, как он и заявлял об этом.

Раз, — это было в 40-х годах, когда, следовательно, не было железных дорог, — в апреле лаврский наместник архимандрит Антоний прислал Митрополиту каких-то ягод, очевидно, выросших в теплице. По этому поводу Владыка писал наместнику: «Благодарю за ягоды. Я употребил их с мыслию, что оне от области Преподобного Сергия. Но мне совестно было, — замечает он, — смотреть на сию роскошь и особенно, когда я узнал, что ягоды несены пешком. Помню, что Вы предписали мне их для здоровья, но не желаю лекарства, соединенного с таким трудом для другого»⁵.

Другой случай. Через год в июле тот же наместник прислал Митрополиту с садовником письмо и две корзинки с плодами и ягодами. Посылка эта с садовыми произведениями опять смутила чуждавшегося прихотей митрополита Филарета. В своем ответном письме он почел нужным отписать следующее: «Если он [садовник] пришел за каким-нибудь делом и кстати нес плоды, и в сем случае мне совестно думать о сем труде; а еще больше, если он и шел только для плодов. Если бы у меня не было хлеба, — рассуждает Святитель, — и он принес бы таким образом, то было бы в нем добродетель, а мне благодеение. К вишням [же] нельзя приложить слова: *взалкался и дасте ми ясти*. Благодарю за благословение от обители, но прошу не посылать подобных посольств. Иное дело послать что-нибудь подобное при случае, когда кто

едет за другим делом»⁶.

Роскошью Митрополит считал не только присылку ранних фруктов, но и черного хлеба, если это требовало некоторых хлопот со стороны посылающего. Указанная нами мысль ясно просвечивает в следующих словах одного письма его к лаврскому наместнику. «Что велели смолоть новой ржи для меня [дело было в начале августа], за это благодарю, чтобы полюбопытствовать: будет ли приметна разница свежего хлеба от немало лежавшего. Но мне стыдно, что эта роскошь только для меня»⁷.

Отсутствие стремления пожелать себе по части земных благ простиралось так далеко, что он совестился даже выпросить себе в Москву лаврского пива, которым подчивал его наместник в Лавре и которое гостю казалось очень полезным для его здоровья. Но случилось так, что наместник, вероятно, в виду этого последнего наблюдения, сам заблагорассудил послать на московское подворье указанный напиток. Любопытно письмо, которое написал по этому поводу митрополит Филарет. «Благодарю за пиво, хотя это и стыдно. Мне приходило на мысль попросить у Вас немного, потому что оно мне казалось по вкусу и по требованию природы; но совестился прибавлять еще прихоть ко многим моим прихотям. Теперь буду употреблять, как полученное с благословением»⁸. Читая это письмо, не следует забывать, что действительным хозяином Лавры был сам Митрополит. Сколько в этом письме выразилось непритязательности святителя Филарета — с одной стороны, столько же тонкой деликатности — с другой.

Расскажу еще один случай, имевший место при другом наместнике Лавры — Афанасии. Для московского владыкина сада понадобился садовник; об этой своей нужде митрополит Филарет уведомил наместника. Последний вообразил, что Митрополит хочет обездолить Лавру и требует для себя опытного лаврского садовника, и, по-видимому, беспокоился этим; почему Святитель пишет письмо к нему, в котором успокаивает его, указывая, что его требования от садовника так непритязательны, что удовлетворить им не может быть никакого затруднения.

Митрополит Филарет писал: «Садовника Вашего я не требую и для моего сада вашего расстроивать не хочу. Не худо бы, если бы кто из незнающих поохотился: я нашел бы здесь средства поучить. У меня же заведение простое и хождение нетрудное. Бывало, я иду по саду, — повествует московский Владыка, — а крестьянин, работавший у меня в саду, лежит и читает; я смотрю и радуюсь, что у меня ученый садовник; и он, думаю, доволен был, что его [я] не гнал от книги к заступу»⁹. Само собой разумеется, что на такого хозяина угодить было не трудно! С каким благодушием Митрополит рассказывает о своем знаменитом садовнике! Только благодушие, кажется, и побудило его познакомить своего лаврского собеседника с типом «ученого» садовника.

Говоря о привычке Митрополита очень мало заботиться о своих личных вещественных потребностях, пожалуй, можно было бы указать на его удивительную простоту в столе, домашней одежде, о его засвидетельствованном бескорыстии, удостоверяющем, что он понимал буквально заповедь: «не пецытеся на утрей»; но это вещи очень известные.

Одну из отличительных черт нравственного образа митрополита Филарета, по нашему убеждению, составляло смирение и соединенная с ним скромность. Святитель рассуждал: «Одно смирение может водворить в душе мир. Душа не смиренная, непрестанно порываемая и волнуемая страстями, мрачна и смутна, как хаос: утвердите силу ея в средоточии смирения; тогда только начнет являться в ней истинный свет, и образоваться стройный мир правых помыслов и чувствований»¹⁰. В частности, рассматривая значение этого чувства для того положения, какое он занимал, Святитель говорил: «Если другие смиряются, называя Архиереев Владыками, Архиереи не должны оттого забывать, что [они] суть служители»¹¹.

И можно утверждать, что Митрополит не переставал упражнять себя в укреплении этих

восхваляемых им чувств — смирения и скромности. В письмах к своему викарию епископу Иннокентию в конце 20-х годов с большой искренностью и не раз напоминает он, чтобы тот не стеснялся вразумлять и учить его, когда видит в этом потребность. «Учить же меня или напоминать мне Вы не отрекайтесь, а говорите все, что справедливо и полезно: *спасение во мнозе совете*»¹².

При другом случае тому же Иннокентию Владыка писал: «Прошу же взаимно и мне говорить свободно, что видите на пользу или к исправлению моих ошибок; надеюсь на Христа, сущаго посреди нас, что сие не только не повредит любви между нами, но будет утверждать оную»¹³. Или еще: «Благодарение Богу, я ни в чем на Вас не могу пожаловаться; и если Вы в чем имеете жаловаться на меня, скажите, я рад исправиться»¹⁴.

Не только у своих помощников архиереев, много низших его во всех отношениях, но и у еще более скромных и малозначащих лиц Святитель не чуждался искать уроков и наставления. В одном его письме, в конце 40-х годов, к ректору Московской Духовной Академии, впоследствии викарию Алексию, находим следующие интересные строки: «Можно подивиться премудрости нынешних людей. Прослужив тридцать лет в Архиерейском звании, я чувствую в некоторых случаях нужду советоваться с протоиереями, учениками моих учеников, а они не находят подобного нужным. Не прогневайтесь, — прибавляет автор письма, — и не думайте, что я гневаюсь. Я только желаю, чтобы смиренная мысль помогала нам быть осторожными»¹⁵.

И образцов подобного отношения Святителя к своим подчиненным можно привести очень много. Вот, например, митрополит Филарет посылает две свои рукописные проповеди в Лавру, назначая их для помещения в академическом журнале, только начинавшем издаваться, и сопровождает эту посылку таким письмом к наместнику Антонию: «Прочитайте Вы, и все, и скажите мне, надобно ли ту и другую отдать в состав начинающагося на сих днях [академического] издания, или лучше не отдавать»¹⁶. Митрополит, таким образом, свои знаменитые проповеди отдает в цензуру «всем», чуждаясь мысли, что они должны служить лучшим украшением нового журнала.

Раз митрополит Филарет сделал строгое замечание духовно-цензурному комитету, сочтя однако необходимым присоединить просьбу не гневаться на него за суждение. Но вскоре оказалось, что комитет вовсе не был так виноват, как предполагал Митрополит, и последний находит нужным извиниться пред членами комитета: «Если Вы, Отец Ректор, и отцы цензора гневаетесь на меня, то прошу прощения»¹⁷, — писал смиренный Архипастырь.

Конечно, бывали случаи, когда замечания его относительно каких-либо служебных неисправностей, допущенных его подчиненными, возбуждали неудовольствие у провинившихся; но в этих случаях он находил утешение в том, что хотя он подвергается неудовольствию, но зато исполняет долг. Он мудро рассуждал: «Мне кажется, что сделав [послав] мои замечания, исполню долг и подвергнусь неприятностям, а не сделав, устраню от себя неприятности, но не исполню долга»¹⁸. Тут, конечно, для разумного человека мог быть лишь один выход. Но исполняя свой долг, когда нужно было сделать серьезное внушение, Святитель очень заботился о том, чтобы получающие выговор и внушение не питали в своем сердце вражды к высокоименитому начальнику.

Интересен в этом отношении следующий случай. В середине 50-х годов Московскую Духовную Академию посетила одна Высокая Особа, очевидно, Царского дома, и осталась недовольна тем, что в помещении студентов было накурено табаком. Митрополит, разумеется, не мог оставить без внимания беспорядка и написал обращение к студентам, где старался выяснить вредные стороны табакокурения. Всякий скажет, что митрополит Филарет исполнил свой долг и мог чувствовать себя правым, не беспокоясь о последствиях. Но не так поступил

наш Святитель. Он пожелал знать, что думают и как относятся к его словам ректор Академии, наместник Лавры и даже студенты. Наместник поспешил выразить свое мнение, и это утешило его. Но Академия, очевидно, осталась недовольна замечаниями и некоторое время ничего не отвечала Митрополиту. Это обеспокоило его, и он чрез письмо начал выведывать у архимандрита Антония, как принято его обращение в Академии: «Но Вы не отвечали на вопрос, — писал Митрополит, — как судят о моем письме [о табакокурении]. Видно, очень немилостиво».

Но этим дело не ограничилось. Митрополит старался внушить Академии, что на его письмо о табакокурении не нужно смотреть как на начальственный приказ, а как на вызов обсудить дело. Он с трогательной скромностью говорил: «Предписания в нем [письме] нет, а писано рассуждение [...]. И не запрещение и надзор имел я ввиду, а то, чтобы студентам сообщены были рассуждения, которые побудили бы их самих вывести заключения»¹⁹. Какой дружественный тон семидесятилетнего старца в отношении зеленой молодежи!

Скромность Архипастыря заставляла его брать на себя иногда такие поручения, от каких отказался бы всякий другой на его месте. Так какой-то о. Авель (очевидно, монах) просил святителя Филарета исправить сочиненную просителем молитву к праотцу Авелю, и Митрополит исполнил поручение, извиняясь, что он не может возвратить подлинника, как слишком изчерченного. И это дело делает Владыка за шесть месяцев до своей смерти²⁰!

Скромность и смирение митрополита Филарета в особенности выражались в его благом отношении к порицателям и неблагосклонным судиям его дел и деятельности, хотя бы эти порицатели и не оставались в сокровенности. Он хотел стоять и стоял выше этих мелочей, какими он считал выходки своих порицателей. В подобных случаях московский Владыка говорил: «По милости Божией, если о мне судят неблагосклонно, я полагаю, что заслужил, и не изменяю моего благорасположения к неблагосклонному судии»²¹. «На порицание лучше отвечать кротостию, нежели порицанием, — говорил он. — Чистою водою надобно смывать грязь. Грязью грязи не смоешь»²².

Этими правилами он руководился и в практике. Когда однажды один его подчиненный выразил порицание на Митрополита в присутствии свидетелей, которые по обязанности службы должны были о поступке довести до сведения Владыки, тот заявил, что за порицание против него он не желает произносить осуждения, что он не хочет подавать предлога к утверждению, будто он сам за себя подвергает обвиняемого взысканию, и что, наконец, он хочет поставить себя выше оскорбления, на него обращенного, и рекомендовал и своим сотрудникам по управлению усвоить то же правило²³.

В настоящее время можно только с изумлением читать одно длинное дело, продолжавшееся много лет и причинявшее бесконечное и незаслуженное беспокойство митрополиту Филарету. Несмотря на такой характер дела, он не принял никакой меры к его прекращению, не желая, чтобы ему приписали род насилия.

Разумеется следующее. Одна девица, дочь сельского священника, по-видимому, не совсем нормальная, Авдотья Смирнова потребовала от Митрополита, чтобы ей дали просвирническое место, но непременно на Ваганьковском кладбище, где однако ж это место не было праздно. Митрополит предлагал ей другое просвирническое место, но Смирнова этого не пожелала и вошла с просьбой на московское епархиальное начальство и в Синод и к Государю. Напрасно Митрополит, желая успокоить сварливую женщину, перевел ваганьковскую просвирню на другое место и назначил Смирновой это место; напрасно в этот раз и потом сам лично увещевал ее начать жить тихо и спокойно. Смирнова, хотя и довольна была, что достигла своего, но потребовала, чтобы консистория купила для нее дом на кладбище и давала бы средства на

отопление его. И когда ей в этом незаконном требовании было отказано, она объявила в присутствии членов консистории: «Так на что же ваш указ [определяющий ее на место]? Просвирни на снегу не живут и просвир на снегу не пекут». Сварливая женщина не постеснялась даже в лицо самому Митрополиту угрожать самоубийством, если не будет исполнено ее требование. Дело это, говорим, тянулось много лет, но достопримечательное смирение митрополита Филарета вышло победителем из этого испытания: он беспрепятственно дал делу пройти все стадии его развития, хотя, конечно, мог бы пресечь его в самом начале²⁴.

Или вот еще пример. В конце жизни святителя Филарета в Москве прославился один диакон (Звонарский — по имени прихода, где он служил: Николы в Звонарях, — фамилии его не знаем), прославился дерзким поведением в отношении к своему Архипастырю. Один почитатель митрополита Филарета, оставивший нам мемуары, посвященные описанию жизни этого Святителя, рассказывает следующее о вышеупомянутом диаконе. Он несколько лет кряду непрерывно докучал Митрополиту прошениями об определении его на место приходского священника и в каждом прошении или письме старался кольнуть святителя Филарета, то укоряя лиц, которых отличал он, то попрекая его пристрастием к своим родственникам, заводил он дела, писал много резких бумаг, желая уязвить Митрополита. Но тот оставался спокоен. Иногда только, и то смеясь, он сообщал, если заходила речь о диаконе, какой вновь получен им от своего подчиненного урок, наставление, намек. — Да что Вы не образумите его? — осмелился раз спросить святителя Филарета его почитатель, и получил в ответ: «Я не судья в собственном деле»²⁵. Смирение и скромность не позволяли Митрополиту становиться судьей между собою и противником своим.

Даже прямые клеветы на себя (а кто от них избавлен?) московский Святитель оставлял без всякого внимания. Он различал два рода клевет. «Иная клевета изгоняет, приводит в нищету, повергает в темницу: это тяжело, — рассуждал он. — А то не легче ли, когда клевета проходит мимо ушей, как ветер?»²⁶ Разумеется, на митрополита Филарета не было клевет первого рода, а потому ему оставалось лишь пропускать клеветы мимо ушей, так как дело могло касаться разве только самолюбия Митрополита, но оно у него не было разнуздано.

Еще менее Митрополит мог наказывать кого-либо за клеветы, касающиеся его личности. Раз до него дошло известие, что некий игумен Израиль пишет клеветы на него и дает своему писанию официальное движение. Характерен ответ святителя Филарета, который находим в одном письме его к викарию Иннокентию: «Клеветы на других согласился бы я рассмотреть предварительно; а клеветы на меня рассматривать не мое дело. Потому присланные мне бумаги, не распечатав, возвращаю Вам»²⁷ (очевидно, в этих бумагах заключались клеветы, о которых идет речь).

Но самое неоспоримое свидетельство того смирения и скромности, которыми отличался великий Иерарх, составляют те письма, которые писал он к наместнику Лавры архимандриту Антонию. Письма эти представляют драгоценный памятник. Во-первых, их очень много, и обнимают они почти весь многолетний период московского святительства Филарета, а во-вторых, здесь, как нигде, еще яснее отобразился нравственный его облик.

Не истекло еще и четырех лет со времени вступления Антония в должность наместника, как митрополит Филарет уже писал этому, в то время ничем не известному, своему помощнику по управлению Лаврой: «Тя рекох друга давно в расположении сердца моего»²⁸, т.е. великий Иерарх скромного своего подчиненного объявляет личным другом. Разумеется, в свое время это было тайной, которую знали только они двое. Признание это было неожиданно и потрясло архимандрита Антония. Дружба — да с кем? Под влиянием неожиданной радости новый друг святителя Филарета сознается, что он боится, как бы такое счастье не послужило к

превозношению и надмению счастливица. На это Митрополит ответствовал следующими смиренными строками: «Что за случай бояться возношения? [...] Друг твой стоит несколько выше в видимом чине? — Но не на сие смотрит Бог, а на глубину сердца. Друг твой есть бедное существо, труждающееся и обремененное? — Но и таковых призывает кроткий и смиренный сердцем Иисус. И мняйся стояти да блюдется. Не высокоумствуй, но бойся»²⁹, — внушает себе друг Антония.

С тех пор Владыка делает все, чтобы этот друг его уверовал, что дружба Митрополита со своим подчиненным имеет глубокий нравственный смысл. Вскоре после этого архимандрит Антоний оказался в чем-то очень недоволен собою и излил эту жалобу в письме к Митрополиту. Последний успокаивает его и притом так, как мог сделать только искренний друг. «Жалобы, написанные Вами на себя., я читал, обращая [их] на себя, и не уменьшая, но увеличивая»³⁰. Тяжесть с плеч немощного друга берется на свои.

Митрополит Филарет часто обращается к наместнику с просьбой наставлять его: «Благодарю, что утешаете меня, но больше учите»³¹, — заявлял он нередко. Или писал так: «Лучше оказать Вам послушание, нежели своеумдрствовать»³². Он просит у друга нравственной опоры: «Поддерживайте меня в несении креста словом любви, совета, подкрепления и утешения». «Поучите меня смирению и послушанию и помолитесь о сем»³³. Просил снисхождения к себе: «Потерпите Вы мою немощь или иногда нетерпеливость, с которою иногда замечаю и малое, между тем, как не всегда сказываю благодарность за великое»³⁴. Призывает его к дерзновению указывать его ошибки и избличать его. «Скажу Вам, как обыкновенно говорю, что думаю, а что скажу погрешительно, — писал Владыка, — укажите мою погрешность». «Прошу никогда не стеснять себя в общении со мною, хотя бы дело шло не о Вашем желании, а о моем обличении»³⁵.

Митрополит никогда не забывал испросить себе прощения у наместника при начале Великого поста и даже других постов, он выражал эту просьбу очень трогательно. «Прошу себе Вашего прощения, — писал он, — в чем на кого нетерпеливостью моею оскорбил Вас, или каким нерассудительным, или страстным поступком, или худым примером подал Вам соблазн»³⁶. Иногда смиренный Иерарх скромно сознается, что он плохой начальник: «Не гневайтесь на меня, что умею только препятствовать Вам, а не содействовать»³⁷.

Знаменитый вития Филарет нередко прежде печатания своих проповедей посылал их на просмотр архимандриту Антонию, не имевшему правильного школьного образования. Так однажды, предназначая одну свою [проповедь](#) для помещения в журнале Московской Духовной Академии, он наперед посылает ее наместнику Антонию и пишет: «Если Ваша цензура рассудит остановить всю тетрадь или сделает замечания: возвратите оную ко мне. А если пропустит Ваша цензура: то предложите цензуре академической, и пусть она изречет свой суд»³⁸. И нужно сказать, что наместник пользовался даваемым ему правом. Иногда делал свои замечания или выражал недоумения по поводу отдельных мест в проповедях знаменитого проповедника. При одном таком случае Митрополит отвечал наместнику письмом, где говорил: «Не знаю, сказать ли, смотрите за мною строже. Скажу по крайней мере: смотрите за мною не слишком снисходительно»³⁹. Каково смирение!

Укажем, наконец, еще один факт, обрисовывающий отношения митрополита Филарета к архимандриту Антонию. В начале 40-х годов Антоний по аскетическим побуждениям хотел оставить должность наместника. Разумеется, Митрополит всячески старался побудить его к перемене этого намерения, и когда наместник уступил, Святитель восхвалил послушание его и написал: «Благодарю Вас, кланяясь до земли»⁴⁰.

Подобное же повторилось позже. Это было к концу жизни митрополита Филарета.

Архимандрит Антоний, чувствуя ослабление сил, решился было уйти на покой, покинуть должность. В ответ на просьбу об этом Митрополит писал своему наместнику, что нужно в таком случае представить в Синод два прошения об отставке — его, наместника, и самого Филарета, и при этом Владыка прибавил знаменательные слова: «Но если уволят меня, не желаю, чтобы уволили Вас»⁴¹. Этими словами Митрополит хотел показать, что своего помощника он ставит выше себя. Наместник должен был сдаться.

В связи со смирением и скромностью, как естественное дополнение их, историк обязан отметить в личности московского Митрополита привлекательную простоту отношений. Еще будучи мирянином, он высказывался против ненужных любезностей в отношении к нему; его душа не лежала ко всему, что носило характер комплиментов. Не обинуясь, он именовал льстивые слова «грязью». Нужно отделять, говорил он еще в то время, «чистое дыхание искренности, оживляющее сердце, от нечистой грязи, которую бросают нам в глаза, дабы ослепить нас: таковыми часто кажутся мне обыкновенныя приветствия и затверженныя учтивости»⁴².

Еще большее отвращение ко всякой лести чувствовал и выражал он, став видным Иерархом. При всяком представившемся случае он остерегал окружающих от всяких похвал себе и своим делам. Восхвалять его, по его выражению, значило вводить в искушение и панегириста и хвалимое лицо. «Если я понимаю непринадлежность почести, мне отдаваемой, — замечал Святитель, — то я огорчен и могу огорчить сделавшаго почесть; а если мне полюбилося [возвеличение], то меня ввели во грех»⁴³.

При другом случае Митрополит рассказывает один эпизод, очевидно, имевший место в родственной ему семье. «Вчера один младенец сказал мне, что любит митрополита, и заставил меня сказать ему подобное. Не быв заставлен, я не сказал бы ему сего, а любил бы его также». И делает отсюда такой вывод: «*Не любим, сказано, словом или языком, но делом и истиною.* Итак, любовь не теряет от молчания. Истина не престаёт, когда престаёт слово. Будем доверять и молчанию друг друга, как доверяем слову»⁴⁴.

Своему преосвященному викарию он внушал однажды: «Награждайте меня не похвалами, но откровенным сообщением мне истины, советами, обличениями и молитвами»⁴⁵. Н.В. Сушков, оставивший нам интересные воспоминания о митрополите Филарете, рассказывает, что он раз не удержался (это было за несколько дней до кончины Святителя) и во время посещения сказал этому нелюбителю похвал: «Что же это был за человек, подумает потомство: укорительные и явно клеветные о себе толки не опровергает; а сказанное с любовью о нем, в похвалу ему, отвергает»⁴⁶.

Митрополит Филарет очень недолго любил, когда ему говорили: «Не смел Вас беспокоить», представляя себе Владыку как бы существующим лишь для каких-то необыкновенных людей и необыкновенных дел. Наместнику Афанасию на слова: «не хотел тревожить», святитель Филарет отвечал, что это ведет к худому⁴⁷.

Еще определеннее свой взгляд на то же дело выразил он епископу Красноярскому Никодиму. Когда этот епископ, в бытность еще архимандритом, посетил Митрополита и сказал ему: «Я не смел утруждать» Вас, Владыка отвечал: «Такие извинения никуда не годятся; я их не люблю. Чего тут опасаться беспокоить, где дело идет об общем благе? Хорош ли бы я был, если б, идя ночью, видел человека, упавшаго в яму, и прошел мимо его потому, что, не имея возможности вынуть его один, не осмелился обеспокоить близ живущаго соседа? Кто тебе отказывал, и кто откажет?»⁴⁸.

Нужно, однако ж, прибавить, что хотя митрополит Филарет и не заграждал доступ к себе всем, кому это было нужно; но не любил, чтобы доступность его нисходила до фамильярности,

выражающейся в излишке откровенностей. Он боялся такого рода откровенности. «Из откровенности ненужной враг может извлечь вред»⁴⁹.

Доступность, определяющуюся простотой отношений, какую усвоял себе святитель Филарет, особенно прославляет вышеназванный епископ Никодим. Он восторженно пишет: «Доступность ко Владыке (сколько я знаю и как могу судить по опытам со мною) [а нужно сказать, что Никодим до получения архиерейства лет 25 перебивал на различных духовно-учебных службах] — примерная, и увы! по опытам же моей жизни беспримерная! С Филаретом говори, что хочешь: будет выслушано терпеливо, не только тогда, когда это есть глупость, ошибка, заблуждение, но и тогда, когда речь может относиться невыгодно к его личности. Филарет ответит, даст наставление, судя по достоинству предлагаемого, и во всяком случае без озлобления...»

В беседе с Владыкою, говорит Никодим, забывалась «неизмеримость расстояния между ним и его маленьким слушателем: говорил со мною [когда, конечно, Никодим не был еще архиереем], как человек немного постарше меня». «Вся честь доброты душевной, вся слава разумного снисхождения, — замечает епископ Никодим, — вся честь пронизательности и правомерия принадлежит Филарету», — по сравнению с другими иерархами, которых знал повествователь⁵⁰.

Этот же повествователь передает следующий рассказ из жизни митрополита Филарета. Явилась к Митрополиту одна простая жена причетника, почитавшая себя, однако же, умною. У него в приемной сотни просителей. Архипастырь обходит их по порядку, объявляет каждому, что считает нужным сказать. Подходит к жене причетника, она падает ему в ноги и заливается слезами. Филарет: Что тебе нужно? Ответ: Ваше Сиятельство, призрите мою Машеньку! — Кто твоя Машенька? — Дочь моя. — Ты вдова? — Нет, у меня жив муж. — Кто он и где? — Дьячок в селе Комлеве, Рузского уезда. — Зачем же не он пришел? Ответ: Призрите, Ваше Сиятельство, мою Машеньку! Не видя возможности узнать дело, Владыка сказал ей: «Поди к письмоводителю моему!» Дело тут разъяснилось и кончилось к удовольствию просительницы. Передавая рассказ, епископ Никодим замечает: «Немногие архиереи столь внимательны к простой и бедной жене причетника, не умеющей притом изъяснить и сущность своего прошения»⁵¹. Мы можем быть уверены, что любопытный рассказ этот сообщен нам во всей точности, потому что описанный случай произошел с матерью повествователя.

Любопытно, что даже к своим замечаниям, которые Митрополит делал по обязанностям своей власти, он не относился как к чему-то непререкаемому и не подлежащему спору. Посылая свои критические замечания на одну, вызвавшую много неприятностей церковно-историческую книгу (Руднев Н. Рассуждение о ересях и расколах, бывших в Русской Церкви со времени Владимира Великого до Иоанна Грозного. М. 1838) ректору Духовной Академии Филарету (Гумилевскому), Владыка, однако, пишет: «Посылаю листок [с замечаниями] на жертву Вашей полемики, и... если мысль не оскорбительна, — добавляет он, — к уменьшению Вашего самонадеяния»⁵².

Даже своим знаменитым творениям Митрополит не придавал такого великого значения, какое в настоящее время придают своим литературным произведениям даже малоизвестные писатели. В конце 40-х годов, доставляя свою проповедь ректору Академии и назначая ее для помещения в академическом журнале, Иерарх простодушно говорит: «Если же надобно чем-нибудь скоро заткнуть пустоту в вашем [т.е. академическом] издании, то прочитайте прилагаемую беседу об освящении дня Господня и поступите с нею, как хотите»⁵³. Говоря современным языком журналистов, митрополит Филарет посылает свою проповедь для напечатания, что называется, «на затычку», т.е. на случай неимения подходящего материала!

Как это похоже на Филарета и не похоже на митрополита!

Смирение, скромность и простота в обращении, о которых шла речь выше, служат ярким выражением бдительности нашего Иерарха над самим собою, над своим самолюбием и честолюбием, вообще над греховными порывами своей воли. Но возникает вопрос: в каких фактах выражалась его христианская любовь к другим, ближним своим, и каких правил он держался в этом отношении?

Наш Святитель проникнут был боязнью, как бы не причинить ближним какой бы то ни было обиды. Он полагал для себя правилом не сердиться на другого: «Сердиться не полезно, — рассуждал он. — *Гнев мужа правды Божия не соделывает.* Можно гневом только произвести или увеличить раздражение другого, а привести в лучшее расположение можно только терпением и миром»⁵⁴. «В минуты негодования и гнева не надобно позволять себе говорить и действовать, а надобно взять время, утишить страсть рассуждением и молитвою»⁵⁵. «Горькое горьким, — рассуждал он еще, — усладить нельзя, а только сладким. Так и горькие случаи не могут быть услаждены горьким о них суждением, кротость же, терпение и любовь могут не только усладить проистекшее из горькаго источника, но и горький источник исправить»⁵⁶.

Так рассуждал Святитель, так и поступал. Если встречал что-нибудь, что должно бы раздражить его, он говорил: «...я осердился бы на сие, если бы хорошо было сердиться»⁵⁷. Он старался о том, чтобы и подозрением не причинять обиды ближнему, хотел хранить сердце свое в чистоте и в этом отношении. «На что человеку, — учил он, — самому себя возмущать неблагоприятными догадками, по какому-нибудь ничтожному поводу к оным? И надобно ли делать зависимым свое спокойствие от мнения человеческого?»⁵⁸. «С оком подозрительным, — утверждал он, — можно дойти до человеконенавидения; кто хочет иметь любовь к ближнему, тот должен иметь око простое». «Лучше избыток доверия, нежели избыток подозрения. Ибо лишнее доверие — моя ошибка, а лишнее подозрение — обида ближнему»⁵⁹.

Его опасливость повредить ближнему простиралась так далеко, что он заботливо уничтожал у себя письма, могущие как-либо скомпрометировать кого-нибудь, хотя бы независимо от воли получателя их⁶⁰. Если необходимо было исправить чей-либо образ действий, возбудить энергию, то Митрополит нередко старался о том, чтобы внушение делалось не от его имени: «Не надобно, — распоряжался он, — упоминать обо мне, чтобы к поощрению не примешать скорби»⁶¹.

Святитель наш, однако же, вовсе не воображал, чтобы возможно было проводить жизнь без всяких неудовольствий; он брал жизнь так, как она есть. Но зато он знал и указывал, как улаживать случающиеся неудовольствия. «Мне кажется, — писал при одном случае наш глубокий моралист, — что преимущество искренней близости между людьми не в том состоит, чтобы не делать друг другу ни малейшаго неудовольствия, что едва ли возможно в жизни, а чтобы и тогда, когда по ошибке или по необходимости скажется или сделается что к неудовольствию другого, не вредить тем любви и не давать пищи злой памяти»⁶². Золотое правило!

Поставив себе правилом не причинять обиды ближнему или по возможности избегать таковой, Митрополит старался быть снисходительным к ближним, когда действия их, не составляя проступков против законов, однако ж, были оскорбительны, непристойны, вредны и достойны осуждения. Прежде всего, скажем несколько слов о примечательной снисходительности святителя Филарета к своему секретарю Святославскому, жизнь которого протекла под кровом Архипастыря.

Раз Митрополит стал замечать, что некоторых нужных официальных бумаг он очень долго не получает, обеспокоился этим, — и только по истечении целого лета открылось, что его

секретарь по какой-то необъяснимой небрежности не передавал пакетов Митрополиту; таких пакетов найден был целый тюк в комнате Святославского. Митрополит, несмотря на важность проступка, ограничился одним разъяснением нелепости поведения секретаря. Через год, однако ж, повторилась та же история. А еще через год Митрополит открыл в комнате своего секретаря новую кучу пакетов, из которых некоторые по пяти месяцев пролежали без движения⁶³. И благостный Владыка терпел и снисходил!

Впоследствии дело дошло до того, что секретарь вовсе ничего не стал делать. Святитель Филарет говорил: «Святославский же для дел уже умер: он мало ходит, мало помнит и ничего не делает»⁶⁴. Хорош секретарь, который ничего не делает! И однако ж, по выражению одного повествователя, секретарь этот кончил жизнь у Митрополита «на службе и как бы на руках его»⁶⁵. Разгадка такой снисходительности лежит отчасти в том, что секретарь чуть не был ровесником Митрополита, был ему предан и был добрым христианином. Но все же снисходительность святителя Филарета поистине замечательна!

Обратимся к другим подобным примерам. Около 30-го года прошлого столетия в Москве появился отставной петербургский чиновник Смирнов, один из клеветов бывшего министра Шишкова, игравшего очень непривлекательную по своей враждебности роль в истории жизни святителя Филарета. Этот чиновник, поселившись в Москве, начал бывать у Митрополита. Последнего стали предупреждать, что чиновник этот — человек неблагонадежный, что он приходит к Владыке, чтобы «выведывать», и что он причиняет Владыке «вред, донося, чего нет». Но Митрополит, несмотря на предупреждения, не изменил своей снисходительности к недостойному лицу. Святитель Филарет писал по этому поводу: «Господь ведает сердца и дела тайныя. Мне слышанное о нем не препятствует принимать его спокойно, но, — только и жалуется Митрополит на это, — скучаю долгими беседами его и утомляюсь»⁶⁶.

Редкую снисходительность обнаружил Митрополит и в отношении одного московского священника. Священник Ризположенской церкви на Донской улице мнил себя великим проповедником, произносил «надутые» проповеди, вел в них борьбу против современных еретиков и ересей, с которыми «он сражался, как Дон-Кихот с мельницами», вообще, по выражению митрополита Филарета, у этого проповедника «ярость сия разстроивает... некоторые струны мыслей до нелепаго разлада».

Тогдашний викарий хотел запретить проповеднику произносить свои проповеди. Но Митрополит, бывший в то время в Петербурге, не соизволил на это. Интересен мотив, которым руководился Святитель: «...я, кажется, имею честь быть из числа тех [очевидно, еретиков], на которых иногда метит он в своих проповедях»⁶⁷. Есть основание предполагать, что ризположенский иерей полемизировал против митрополита Филарета под влиянием вышеупомянутого шишковского чиновника, который, как можно думать, привез из Петербурга немало сплетен о масонстве, неологизме, протестантизме и либерализме Филарета⁶⁸. А ведь подобные сплетни в самом деле существовали.

Много снисходительности обнаруживал митрополит Филарет и в отношениях к лицам монашеского чина, хотя данный ими обет смирения и послушания не обязывал его к подобной снисходительности, и хотя они таковой и не очень-то заслуживали. Один архимандрит Иосифова монастыря был самого высокого мнения о своем уме. «Сей человек думает, что он умнее всех, — характеризует его Митрополит, — и когда я стараюсь ему доказать, что это сомнительно, он смотрит на меня с удивлением или с сожалением, что я не понимаю его премудрости»⁶⁹. Нет сомнения, что Архипастырь мог бы прямо в глаза сказать ту горькую истину, которая сама напрашивалась на язык, но он не хотел этого делать.

Другой случай. Игумен Песношского монастыря в чем-то провинился, оказалось нужным

нарядить следствие. Это очень расстроило игумена. Ввиду этого митрополит Филарет посчитал нужным утешить провинившегося. Он писал наместнику, производившему следствие: «Игумену я сказал доброе [т.е. ободряющее] слово чрез консисторию, но и Вы скажите ему от меня, что унывать не для чего. По долгу предосторожности начальство должно было сделать то, что сделало; но его [игумена] должно успокоить то, что дело и кончилось одним дознанием по предосторожности»⁷⁰.

Под начальством наместника Антония в 40—50 годах находился некий послушник Филипп, впоследствии принявший в монашестве имя Филарета. Он начал позволять себе поступки, возбуждавшие толки. Появлялся в московских церквях с каким-то жезлом, увешанным лентами, устраивал себе трапезу на папертях, ходил по Москве с какой-то металлической птичкой в руках. Не раз он попадал из-за этого в полицейский дом. Митрополит снисходительно отнесся к такому поведению лица, причисленного к монашеству, ограничиваясь тем, что советовал ему «удерживаться от таких поступков», внушая, что не надобно «вводить самого себя в искушение».

Впоследствии, когда этот же Филипп-Филарет стал проситься у наместника предпринять какое-то путешествие, Митрополит не препятствовал, однако же шутливо написал в письме к архимандриту Антонию следующее: «Но поговорите ему, чтобы не домогался быть взят под арест, а если это ему нравится, сказал бы нам, и мы арестовали бы его с любовью, а не с гневом, как полиция»⁷¹.

Какому-то лаврскому иеромонаху Владимиру выдана была книга для сбора подаваний. Но этот человек не удовлетворился данным ему правом, а написал «высокопарное воззвание» к благотворителям. По всей вероятности, воззвание было глуповато. Митрополит запретил Владимиру «употреблять оное». Следствием всего было то, что обиженный сочинитель отомстил Митрополиту. «Вот он и рассчитался со мною, — пишет последний, — я не дал хода его красноречию, а он нашей сборной книге» (очевидно, монах отказался производить сбор). «По крайней мере, он оказал себе удовлетворение»⁷². Тон речи святителя Филарета совершенно благодушный и даже несколько игривый.

Позволим себе привести еще случай. Один монах, принадлежавший к братии московского митрополичьего подворья, в нетрезвом виде в вечернюю пору произвел буйство, так что шум дошел до слуха Митрополита на другом конце дома. Оказалось, что этот монах и ранее заявлял себя нетрезвостью. Но интересно, что Архипастырь выказал свое неудовольствие не столько против монаха, сколько на эконома подворья, начальствовавшего над братиею здесь, за то, что этот скрывал от Митрополита поведение виновного. Он писал наместнику Антонию: «Посоветуйте и Вы с своей стороны эконому, чтобы не обращался с начальником [т.е. со святителем Филаретом], как с волком, когда начальство хочет обращаться с подчиненными, как с братьями»⁷³.

Несмотря на все стремления к снисходительности, святитель Филарет сознавался, что иногда показывал он недовольство, т.е., вероятно, раздражительность. Но находил, что в его положении это почти неизбежное [зло](#). Митрополит настолько подавлен был делами, по должности и сверхдолжностными, что не успевал следить за всеми порывами своей души. Он говорил в объяснение постигавшей его иногда раздражительности: «Дела, в которых нет пищи для души, поглощают время и всегда оставляют заботу, что много остается неоконченного; немощь требует много времени для отдыха; душа с трудом обращается в покой свой; помыслы заботы или суеты преследуют и окрадывают ее»⁷⁴. Действительно, если взять во внимание, что Митрополит находил отдых лишь в перемене занятий⁷⁵, то подивимся его благодушию, которое выражалось так ярко и так несомненно.

Поистине трогательно чисто родственное внимание и заботливость митрополита Филарета о наименьших братьях, о лицах, стоявших чуть не на последних ступенях общественной лестницы. Душа его отверста была и для них. Много бы можно привести поучительных примеров. Приведем хотя бы некоторые. Святитель Филарет услышал об опасной болезни какого-то скитского послушника и воспоминает его добрым словом. «Послушника Феодора, — пишет он, — я [как бы] еще вижу и слышу читающего в скитской церкви. Сострадаю, что он болен, сорадуюсь, что благодушен»⁷⁶.

При другом случае Митрополит пишет наместнику Антонию: «Илию оторвать не хочется и думаю, что ему будет у меня скучно»⁷⁷. И это пишет Митрополит о каком-то Илие, которого наместник хотел послать на московское подворье для исполнения пономарских обязанностей. «Ему будет у меня скучно!» Точно речь идет о близком родственнике!

Еще пример. Святитель узнал, что во Влахернском общежитии послушницы-звонарихи подвергаются опасностям при исполнении своей обязанности. И вот он думает о том, как бы помочь беде, и пишет: «Узнал я, что там послушницы ходят на колокольню по церковной кровле, с опасностью, что ветер сдует их или, поскользнувшись, упадут. Странное устройство здания! Я предлагал Г.П. поставить перилы: он говорит, что безобразно будет, и предлагает веревку, которая едва ли удовлетворит. Я опять предлагал поставить на редких подпорах деревянный поручень...»⁷⁸ Видно, что сердобольный Иерарх не считает делом пустым и заботу о звонарихах!

Много трогательных попечений принимал на себя Архипастырь и о своих келейниках и служках, если с ними приключались какие-нибудь серьезные беды. Вот, например, его подлинно братолюбивые заботы о слугителе Петре, заболевшем у Митрополита на подворье в Петербурге. Владыка пишет к наместнику письмо, где говорит: «У меня в доме искушение. Служитель Петр выходит из ума [заметим, что впоследствии на деле оказалось нечто другое], делает странности и многих беспокоит. Помяните его пред Преподобным Сергием, да испросит ему разум благий». Затем под благовидным предлогом Митрополит отправил Петра в Лавру, поручая его покровительству наместника. Но так как и после продолжались странности с этим слугителем, то святитель Филарет просил архимандрита Антония: «Скажите, чтобы поминали его на проскомидии».

Затем Петр окончательно поселился в Лавре и стал предаваться разным подвигам: то он делался безмолвником, то налагал на себя 40-дневный пост. При всяком этого рода явлении митрополит Филарет проявлял живой интерес к своему бывшему слуге. Например, когда Петр захотел принять на себя 40-дневный пост, Владыка давал ему совет сократить этот [пост](#) до 33 дней, в воспоминание лет жизни Спасителя, дабы не слишком изнурять себя большим постом. Жалел о нем, когда пост изнурил Петра настолько, что он заболел ранее исполнения обета, но радовался и благодарил Бога, когда узнал, что Петру удалось совершить свой подвиг. Вообще не один год Митрополит интересовался жизнью и поступками Петра, и масса писем великого Иерарха испещрена именем никому неведомого митрополичьего слуги⁷⁹.

Много озабочивала митрополита Филарета болезнь и другого его слуги — Якова, из числа каких-то лаврских поддьяков. Яков, как оказалось, заболел психической болезнью. Святитель отправил его к наместнику на попечение последнего. Больной порывался публично принести покаяние во грехах. «Постарайтесь вразумить его, — говорил митрополит Филарет наместнику, — и расположить, чтобы он помолился, при предстательстве преподобного Сергия, миром Господу и не предавался порывам». Интересно, что в одном из своих писем святитель Филарет очень отчетливо рассказывает историю болезни Якова, как он из человека послушного превращался в человека, начавшего вмешиваться куда не следует и даже важничать⁸⁰. Святитель

дает советы наместнику, как поступить с этим больным в случае ожесточения его болезни.

Не меньшую попечительность обнаруживал Митрополит о третьем своем слуге — Василии. Вот что писал он о нем наместнику Антонию: «Уже в Москве узнал я, что из моих спутников Василий пропал было еще на пути в лавру, и в другой раз пропал во время отбытия из лавры. Он смирен, но болен солитером, и оттого, задумавшись, делает странности. Поищите его и, если найдется, проводите к нам, уговорив его не уклоняться от пути и сказав ему, что мы о нем заботимся»⁸¹.

Даже своим умершим келейникам Святитель не отказывался выражать соответственное внимание. Однажды, находясь в Петербурге в качестве члена Синода, Митрополит узнал, что в Москве умер его келейник, а узнав, писал следующее письмо викарию, епископу Иннокентию: «Благодарю, Преосвященнейший, за распоряжения по покойном Григорие. Поблагодарите от меня и о. Архимандрита Златоустовскаго, если он принял труд быть на погребении. Покойный много меня успокоивал. Хождение за мною, по немощи моей, бывает довольно суетливо. Я не помню, чтобы он когда поленился или пороптал. Иногда он переставал лечиться сам, чтобы безпрепятственнее ходить за мною больным. Бог да воздаст ему покоем вечным»⁸². Этим письмом Святитель, можно сказать, увековечил имя безвестного Григория.

Помимо ближайших слуг, митрополит Филарет распростирал свою попечительность на прочих лиц, ему служивших. Умилительно читать следующие строки его письма к тому же викарию о том, как лучше отправить одного митрополичьего певчего из Москвы в Петербург, где пребывал Святитель, заседаая в Синоде: «Не худо отправить его в дилижансе [нужно помнить, что тогда железных дорог еще не было], причем наблюсти, чтобы ему взято было одно из покойных мест внутри, а не вне дилижанса»⁸³. Подумаешь, что дело идет о путешествии сына самого Митрополита!

Еще внушительнее и изумительнее следующий поступок московского Владыки. Какой-то якутский мещанин Павел Григорьев неизвестно по какому побуждению прислал митрополиту Филарету прошение ко святителю Николаю, с поручением представить его (прошение) по назначению. Едва ли бы кто принял эту просьбу всерьез, но Владыка иначе отнесся к делу. Он написал письмо к архимандриту Антонию, где говорил: «Якутскому мещанину Григорьеву я мог бы сказать, чтобы он обратился к своему епархиальному архиерею. Но прошение к Святителю Николаю можно ли оставить без внимания, каково бы оно ни было? Не поручите ли пред чудотворным образом Святителя Николая совершить молебное пение и помянуть раба Божия Павла?»⁸⁴ Предстоятель Церкви в древней столице не захотел быть слушателем воли якутского мещанина Григорьева!

Простирая свое святительское внимание и доброту даже на низшую братию, митрополит Филарет не руководился в своих поступках случайностью и порывами. Нет, он признавался: «Мне общение с смиренными земли было утешительно и полезно. Они очень возлюбленны»⁸⁵. Значит, в этом была своего рода система.

Мне хотелось бы сказать несколько слов еще об одной стороне духовной природы митрополита Филарета, о его остроумии, выражавшемся в блестящем острословии и составлявшем приятный плод его полной душевной гармонии. Собеседники Иерарха восхищались его острословием⁸⁶, но эти блестящие его острословия до нас почти не дошли. Но зато мы имеем множество превосходных образчиков его острословия в многочисленных его произведениях. Эти последние искрятся его острым словом. Нужно заметить, впрочем, что есть различие между острословием его молодых лет и зрелых. Первое, нет сомнения, глубокомысленно, но резковато и несколько вульгарно. Не таково острословие, вышедшее уже из уст митрополичьих.

В письмах Филарета к своим родным сохранилось несколько образцов его острословия из времен его домонашеской жизни. Вот два из них. В Сергиевом Посаде, где учился и учительствовал будущий митрополит Филарет, раз случился падеж скота, но догадливые обыватели не понесли от этого убытка, ибо мясо больных коров сбывали между прочим и в семинарию. По этому случаю он острил: «Плуты бьют по ночам скот и заготавливают на целую зиму болезни для продажи здоровым». «Зараза, пожирающая здешний скот, из их челюстей руками честных купцов препровождается на наши зубы».

Другой раз будущий Филарет заболел и много лечился. Это событие вызвало у него следующие слова в письме к отцу: «Кроме мучений болезни, ...испытал благодетельные тиранства медицины... Нынешний день я оканчиваю мое лечение... Я радуюсь, да, думаю, также и здешняя аптека. Она была бы в опасности опустеть, ежели бы я надолго сохранил сию ревность, с которою в прошедшие дни глотал всякия негодныя вещества»⁸⁷.

Наибольшим блеском острословие святителя Филарета отличалось, как мы сказали, в лета его мужества. В примерах — избыток. Митрополит изнемогал от чтения бесконечных, часто вздорных писем, прошений, докладных записок и т.п., и свою жалобу однажды выразил в таких словах: «Право некогда читать всего, что весьма щедро пишут ныне люди, к несчастью, учившиеся грамоте»⁸⁸.

Какое различие между постройкой, произведенной с архитектором и без архитектора? «Кто строит по решению архитектора, тот кладет кирпичи на голову архитектора, а строящий без архитектора, на свою»⁸⁹. О своем секретаре, как мы уже знаем, не отличавшемся исправностью, Митрополит однажды сказал: «Святославский на Страстной пред исповедию захотел очистить и канцелярские грехи»⁹⁰. Табакокурение называл «дымною привычкою» или «западною привычкою к негодной траве»⁹¹.

Немало встречаем остроумных изречений у митрополита Филарета касательно лаврских дел. В Лавре случился пожар, и предположено было расследование; по этому поводу он заметил: «Если коснетесь пожара, то потребуется делопроизводство, от которого будет много дыма»⁹². Одного из монашествующих, не совсем свободного от подозрений в корыстолюбии, предполагалось перевести с одного какого-то послушания на другое. Митрополит, узнав об этом, так острословил: «Боюсь, чтобы и в другом месте А. не стал жить в свой карман»⁹³. На Ярославской железной дороге сделано было новое расписание поездов до Сергиева, неудобное для богомольцев; Владыка не преминул сострить: «И для чего изменение? товарным поездам не нужно поспевать ко времени Богослужения»⁹⁴.

Святитель Филарет шутливо писал наместнику Лавры: «Говорят, у лаврского казначея повар хорош, а это известно, что у Митрополита, и притом больного, очень худ. Не рассудите ли оказать в сем правосудие?» А через несколько дней опять писал наместнику: «С казначейским поваром было бы можно быть здоровее, но он говорит, что у него остался недостроенный дом. А в законе еврейском построившему и обновившему дома и от военного похода увольнение даваемо было. Потому и я отпустил повара достроить дом»⁹⁵.

В письме митрополита Филарета к тому же наместнику читаем: «Во французской книге прочитал я великолепное описание ночного сражения французского путешественника в гостинице Сергиевой лавры с насекомыми, которые не дали ему спать. Надобно ли было добиваться такой европейской славы?»⁹⁶

В других случаях острословие Митрополита касалось разных сторон тогдашней жизни. Однажды Владыка узнал, что Хотьковская игуменья при вступлении в должность приказала монахиням устроить ей встречу, и сказал: «Хорошо, если встречают по любви и смирению или хотя по обычаю; но приказывать о сем значит встречать самого себя»⁹⁷.

Раз случилось, что посылка нескольких печатных проповедей митрополита Филарета, прежде чем попасть в его руки, сделала два пути из Москвы в Лавру и обратно. Владыка не оставил этого случая без внимания и острословил: «Или Вы думаете, что она [проповедь] улучшится от дороги, как портер от провоза по морю?»⁹⁸

Еще пример. После того, как решено было не вызывать более митрополита Московского Филарета для присутствия в Синоде (обстоятельство интересное, но не относящееся к нашей теме), вещи Владыки из Петербурга были присланы в Москву, причем оказалось, что замок у сундука с книгами поврежден. Митрополит Филарет по поводу этого острил, что, значит, «было тайное изыскание, не заперты ли в сундуке ереси»⁹⁹.

Н.В. Сушков передает им лично слышанную следующую остроуту Святителя. У митрополита Филарета зашла речь о каком-то достопочтенном протоиерее. Сушков, не зная обстоятельств жизни этого лица, спросил Владыку: «Да откуда взялось оно?» Митрополит ответил одним словом: «С козел». Разгадка этого ответа, по уверению Сушкова, в следующем. Однажды некий петербургский чиновник был отправлен в провинцию по важному делу; чиновнику этому для расследования сказанного дела понадобился депутат от духовенства. Местный архиерей отрекомендовал ту духовную особу, о которой шла речь. Решивши взять этого депутата с собой в дорогу, чиновник распорядился так: сам он комфортабельно расположился в коляске, слуга пристроился сзади экипажа, а его «высокоблагословению» дано было местечко на «козлах»¹⁰⁰.

Много остроумных изречений создалось у московского Иерарха под влиянием тонких наблюдений относительно различных случаев его епархиальной практики. Раз было: какой-то греческий митрополит малоизвестного городка Синады пребывал зачем-то в Москве и потом отбыл в Петербург. Рассказывая об этом, святитель Филарет не без тонкой иронии говорил: в Петербурге этот восточный пришелец жаловался, что «знаменитый Синадский митрополит принужден был из Чудова монастыря в Архангельский собор ходить пешком». «Видите, — острословил Владыка, — какую беду мы сделали. Легко ли теперь его умилоствить!»¹⁰¹

О Московской консистории Митрополит однажды так писал своему викарию епископу Иннокентию: «Слышали ль, Ваше Преосвященство, что прошедшим летом Директор Департамента Министерства Просвещения за долгую и вредную для дела медленность в исполнении Высочайшего повеления посажен был на гауптвахту на 24 часа, и только в уважение ходатайства Министра убавлено 12 часов? Теперь сие надобно сделать с нашею Консисториею, а мне ходатайствовать о снисхождении, если только еще позволено будет самому считаться невинным»¹⁰².

Московская синодальная контора и ее прокурор позволили себе вмешательство в дела епархиальные. Митрополит, узнав об этом, сказал: «Если контору и прокурора ее допускать садиться в чужия сани, то хозяевам будет тесно»¹⁰³.

Игуменья Рождественского монастыря просила митрополита Филарета сделать диакона этого монастыря священником. Митрополит отказал, придав своему отказу острословную форму: «Рождественскому диакону пресвитерства игуменья хочет, но Бог не дает»¹⁰⁴.

К своему викарию, епископу Дмитровскому Николаю святитель Филарет писал: «Пословица не хвалит того, кто идет за семь верст кисель есть. Не знаю, похвалила ли бы она и того, кто идет за семьсот верст конфеты кушать. Но как некоторые думают, что они рассуждают лучше пословицы, то увольте, Преосвященнейший, Елоховского протоиерея в Петербург на свадьбу, если он сего просить будет»¹⁰⁵.

Раз из Петербурга, где находился Митрополит по обязанности члена Синода, он писал викарию: «За семьсот верст, Преосвященнейший, стало мне видно и слышно, что в Москве в

день Богоявления Господня, во время крестного хода, некоторые священники некстати раскланивались с посторонними и разговаривали между собою. Как же должно быть видно и слышно сие в Москве»¹⁰⁶.

Главный начальник московских кадетских корпусов взял у законоучителя проповедь для точнейшего ознакомления с нею и возвратил ее с замечанием и наддранием. Митрополит поразился событием, но его остроумие нашло в то же время и смехотворную сторону в происшедшем. «Скажите законоучителю, — писал он из Петербурга в Москву, — что желаю видеть сию проповедь, раненую храбрым против законоучителей Генералом; а впрочем уверьте его, что рана сия не опасна»¹⁰⁷.

Дела духовных школ также служили нередко к изощрению острословия митрополита Филарета. Юбилей, справляемый Петербургской Духовной Академией, дал одной своей подробностью пищу для находчивого ума Владыки; он говорил: «Ректор Петербургской Академии пишет ко мне, чтобы по случаю юбилея дал я деньги на составление какого-то капитала и собирал деньги с других. У евреев в юбилей прощали долги, а у нас в юбилей налагают подать»¹⁰⁸.

В журнале «Христианское чтение», издаваемом той же Академией, святитель Филарет прочел одну догматическую статью и так охарактеризовал ее: «Мне кажется, что издатели немецкое кушанье, не разжевав, глотают»¹⁰⁹. Митрополиту показалось, что в Московской Духовной Семинарии необходимо «попристальнее посмотреть семинарское испытание», и он добавил: «Я был в Семинарии запросто, и тогда мне кухня показалась лучше классов»¹¹⁰.

Даже случаи, так сказать, крайне прозаические, и те служили поводом к острословию для тонкого ума Владыки. В бытность Митрополита в Петербурге, раз присутствовал за богослужением на подворье один не очень-то изысканный игумен. После богослужения последний осмелился сказать митрополиту Филарету: «У Вас, Владыка, поют певчие по новым нотам и напевам. Жаль. Лучше бы было, если бы они пели по древнему церковному напеву». Но Митрополит не растерялся от этих неделикатных слов и отвечал своему гостю: «Вот что, отец игумен: и певчие тоже [так] поют давно»¹¹¹.

Митрополит, находясь в Петербурге, узнал, что эконом его московского подворья не позаботился своевременно устроить для малолетних чудовских певчих зимней одежды, и со свойственным ему остроумием писал по указанному поводу: «Дитя не плачет, а мать не понимает. Может быть, надобно еще прибавить, что хотя дитя и морщится, но няня дремлет»¹¹².

Но, однако, спрашивается: какое значение может иметь наше ознакомление с остроумием и острословием митрополита Филарета при изучении его нравственного образа? Н.В. Сушков, автор сочинения «Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского», источник острословия его ищет и указывает в «постоянном спокойствии духа» Владыки¹¹³, т.е., точнее сказать, в гармонии духовных сил, отличавшей личность этого Иерарха. Объяснение — не лишенное справедливости. Острословие митрополита Филарета не носило характера ни едкой иронии, ни сарказма, т.е. таких свойств, которые не согласовались бы с представлением о гармонии духовных сил личности. Оно было отражением душевного счастья или душевного блаженства, духовного преизбытка, которые невольно искрятся в словах. Припомним, что Адам нарекал имена всем животным на самых первых порах своей райской жизни (Быт.2:19—20), когда ни печаль, ни грех, ни черная мысль не тяготили его души. Только состояние, скольконибудь близкое к блаженному состоянию первого человека, делает того или другого из его потомков способным в немногом сказать многое, в простые слова вложить глубокий смысл и ярко запечатлеть сказанное, что и составляет сущность острословия.

Таким образом, острословие митрополита Филарета, кажется, позволительно считать

выражением его полной духовной гармонии, но такая гармония может иметь свою опору и корень лишь в глубоких нравственных началах. Мы не должны забывать и того, что его остроумные изречения или заключают нравственные уроки для других, или же открывают нам тонкость и проницательность нравственного чувства самого остролова. Таковы, по крайней мере, остроумные изречения, вышедшие из его уст, когда он стал Святителем. В них нет эфемерной эффектности, но всегда есть глубокая правда, характеристическая для остролова и внушительная для тех, кто вызвал его изречь эти слова.

Возможно, кто-нибудь подумает и скажет, что вышеприведенная характеристика нравственной личности почившего митрополита Московского Филарета не полна. Нас упрекнут за то, что мы не коснулись тех обвинений, какие слышались при его жизни, какие слышатся иногда и по сию пору и какие имели и имеют целью набросить тень на светлый нравственный облик Святителя.

Но какие это обвинения, кто их предъявляет, на чем они основываются? Эти обвинения создает людская молва. Говорят или говорили, что митрополит Филарет был «подобострастный монах, холодный консерватор» [114](#), был человек, надмевающийся своим умом, не терпевший видеть окрест себя людей умных, был администратор, способный на жестокий поступок, потворствовал своей родне и т.д. Но мы должны сказать, что все эти обвинения легко могут быть опровергнуты, ибо факты, на которых строятся обвинения, могут без насилия над ними быть истолкованы в безобидном смысле для почившего Московского Иерарха. Возле чела Филаретова мы замечаем темное облачко, но оно не есть действительный придаток его чела: это результат несовершенства нашего зрения.

Но рождается вопрос: если обвинения подобного рода несправедливы, то каким же образом они могли возникнуть? В объяснение этого непонятного явления иногда приходится слышать, что-де такова судьба гениев [115](#): вражда сопровождает их жизнь и память. Может быть и так, скажем мы. Но, кажется, можно дать и другое объяснение.

Митрополит Филарет, это смело можно утверждать, производил импонирующее впечатление на общество своими разносторонними талантами. Он представлялся, можно сказать, идеалом архиерея. Поэтому, естественно, в его деятельности желали видеть отпечатление самых редких и необыкновенных добродетелей. От него требовали, чтобы он, по выражению апостола о самом себе, *всем был вся* ([1Кор.9:22](#)). Подчиненные требовали, чтобы он был мудрецом в точном смысле слова и являлся снисходительным вопреки своих обязанностей; почитатели и друзья требовали от него героизма; люди науки ждали книг; монахи — подвижничества; общество зорко следило за тем, что говорил и делал Митрополит Московский, придавая его словам и делам свой смысл, какой кому хотелось.

При таких условиях мог ли наш Владыка угодить на всех? Митрополит Филарет был человек, а не сверхчеловек. Являлись недовольные, которые находили, что Владыка не осуществлял высокого нравственного идеала. Начинали искать у него недостатки, открывали их там, где их не было. Явились перетолкователи его слов и действий, которые давали им смысл ложный, не соответствующий правде. И это единственно ради того, чтобы найти для себя объяснение, почему Митрополит не был тем, чем желало его иметь разгоряченное воображение и необузданная фантазия. Святитель Филарет не виноват в том, что возвели его в идеал, каким не может быть ни один человек в мире, и еще менее виноват в том, что эти его поклонники разочаровались в нем, не находя осуществления своих несбыточных мечтаний.

Как далеко простиралась чрезмерная притязательность общества по отношению к нашему Святителю, хорошо видно из тех вождедений, с которыми дерзали обращаться к монаху-архиерею даже его близкие друзья, которые должны бы в полной мере знать и изучить Владыку. Эти друзья требовали от него ни больше, ни меньше как того, чтобы он принимал на себя

смелость останавливать перо монарха, начертывающего мысли, выражавшие волю самодержца. К чему-то подобному побуждал Митрополита друг его наместник Антоний, как видно из следующих слов письма первого ко второму: «Вы, отец наместник, думаете подвигнуть меня в близость к исповедникам. — Далеко. — Довлеет, аще с мытарями проповедем Божие милосердие»¹¹⁶.

Так же поступал другой близкий к Митрополиту человек — А.Н. Муравьев. Он требовал от Святителя, чтобы тот подал неодобрительный голос по поводу решения верховной власти продать наши северо-американские владения, т.е. Аляску, американцам¹¹⁷. И едва ли можно сомневаться, что и Антоний и Муравьев, когда митрополит Филарет не последовал их странным советам, находили, что Московский Иерарх не стоял на высоте своего призвания. Выразил ли как эту свою мысль архимандрит Антоний — мы не знаем; что же касается более страстного Муравьева, то он не постеснялся бросить в лицо великого Святителя жестокий упрек: «...какой тяжкий ответ лежит на стражах Израилевых»¹¹⁸.

Вот один из источников самых неосновательных обвинений, возводимых на великого Иерарха. Наш Владыка, привыкший вдумчиво обсуждать всякое важное явление, по поводу вышеуказанных требований, навеянные ими мысли выражает, применяя речь к себе, в следующих поучительных словах: «Не несправедливо и не бесполезно будет меру терпения наполнить водою кротости и возлить на огонь ревности, чтобы он горел тихо и не разгорался без нужды до пожара, могущего, сверх опасения, повредить мирные скинии любви, снисхождения и смирения»¹¹⁹.

При другом случае митрополит Филарет писал: «Можно стучать в запертую дверь с молитвою, но с советами войти можно только в отверстую»¹²⁰. И нужно ли было бы, чтобы наш Иерарх ступил на путь несчастного Никона и еще более несчастного Арсения Мацеевича?..¹²¹ Исповедничество, на которое указывали Митрополиту как на его долг, ведь часто ведет к мученичеству¹²². Мы со своей стороны отнюдь не пожелали бы ему этого: мученичество имеет смысл только в нехристианских государствах.

Поставив себе задачей указать черты нравственного облика почившего церковного предстоятеля древней столицы, митрополита Московского и Коломенского Филарета, мы приподняли лишь край завесы, за которой открывается поучительная картина. Сколько наставлений можно извлекать из его творений, писанных просто, без затей, этих творений, где мораль исходит из сердца и чужда всякой холодной теоретичности; сколько нравственных уроков можно извлекать из его жизни и деяний!

По долгу историка Церкви мне пришлось перечитать сотни биографий разных иерархов Восточной Церкви и многие десятки таковых изложить в книгах, и я смело могу утверждать: рядом со святителем Филаретом некого из них поставить (я, разумеется, говорю об иерархах, не причисленных к лику Св. Угодников), некого — принимая во внимание замечательную нравственную высоту нашего Святителя. Это был какой-то нравственный монолит, всегда себе равный, во всем себе тождественный. Слово его не расходилось с делом, и сказанное им на десятки лет ранее с точностью повторяется и осуществляется впоследствии. Слава ему!

Один очень видный русский архиерей, младший современник Филарета, еще при жизни Московского Святителя говорил, что по значению в Церкви Православной его можно назвать вселенским Архипастырем¹²³. И это так и есть!

И.С. Аксаков, известный славянофил, представитель лучших аристократических московских традиций, в издаваемом им журнале «Москва» тотчас по смерти Святителя писал: «Филарета не стало! Упразднилась сила, великая, нравственная, общественная сила. Прервалось полустолетнее назидание всем русским людям — в дивном примере неустанно бодрствующего

и до конца бодрствовавшего духа. Убыло силы и славы, убыло последнее народное имя. Назвать более некого. Нет другого равнозначительного, и даже менее значительного, но всенародного имени».

Славное Филаретово время уже давно прошло, а последующие поколения не дерзнули описать жизнь и деяния его. Святитель Филарет не имеет биографии! Можно подумать, что не только подражать ему, но и описать, что им соделано, оказывается нам не по силам.

Примечания

Письма митрополита Московского Филарета (в мире Василия Михайловича Дроздова) к родным от 1800 до 1866 года. М. 1882. С.29.

Там же. С.66.

Там же. С.82.

Там же. С.75—76.

Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. 1831—1867 гг. В 4 ч. М. 1877—1884. Ч.2. 1878. С.307.

Там же. Ч.2. С.420.

Там же. М. 1884. Ч.4. С.243.

Там же. Ч.4. С.299.

Письма Филарета, митрополита Московского, к наместнику Троицкой Сергиевской Лавры архимандриту Афанасию (1821—1831). // Прибавления к изданию творений Святых Отцов в русском переводе за 1886 год. [Далее: Прибавления] М. 1886. Ч.38. Кн.3. С.149.

Сборник мыслей и изречений митрополита Московского Филарета, извлеченных из переписки его с разными лицами. М. 1897. С.26.

Письма митрополита Московского Филарета к викарию московской епархии, епископу Дмитровскому Иннокентию (1827—1831). // Прибавления. М. 1872. Ч.25. Кн.1. С.48.

Там же. М. 1871. Ч.24. Кн.2. С.425.

Там же. С.444.

Там же. Ч.25. Кн.1. С.46.

Письма Московского митрополита Филарета к покойному архиепископу Тверскому Алексию. 1843—1867. М. 1883. С.17.

Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. Ч.2. С.126.

Письма Московского митрополита Филарета к покойному архиепископу Тверскому Алексию. С.26—27.

Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. Ч.4. С.141.

Там же. М. 1883. Ч.3. С.353—354,356,359.

Там же. Ч.4. С.519.

Там же. С.496.

Сборник мыслей и изречений митрополита Московского Филарета. С.18.

Резолюции московского митрополита Филарета. //Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. М. 1877. Кн.2. С.42.

Сборник, изданный Обществом любителей духовного просвещения, по случаю празднования столетнего юбилея со дня рождения (1782—1882) Филарета, митрополита Московского. В 2 т. М. 1883. Т.1. С.339 и далее; 679 и далее.

Сушков Н.В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского.
М. 1868. С.145.

Сборник мыслей и изречений митрополита Московского Филарета. С.20.

Письма митрополита Московского Филарета к викарию московской епархии, епископу Дмитровскому Иннокентию. // Прибавления. М. 1872. Ч.24. Кн.3. С.481.

Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. М. 1877. Ч.1.С.116.

Там же. С.119.

Там же. С.123.

Там же. С.165.

Там же. С.171.

Там же. С.241,187.

Там же. С.184.

Там же. Ч.2. С.240,242.

Там же. С.259.

Там же. С.485.

Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. Ч.3. С.268.

Там же. С.235.

Там же. Ч.1. С.352. См. также с.343—345.

Там же. Ч.4. С.348.

Письма митрополита Московского Филарета (в мире Василия Михайловича Дроздова) к родным. С.90.

Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. Ч.1. С.38.

Там же. С.74.

Письма митрополита Московского Филарета к викарию московской епархии епископу Дмитровскому Иннокентию. // Прибавления. Ч.24. Кн.3. С.484. Того же епископа Иннокентия митрополит Филарет просил писать ему письма запросто, без «обрядовых строк», т.е. без предваряющих титулований и заключительных выражений почитания (Там же. Ч.25. Кн.1. С.20).

Сушков Н.В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. С.200.

Письма Филарета, митрополита Московского, к наместнику Троицкой Сергиевской Лавры архимандриту Афанасию. С.125.

О Филарете, митрополите Московском, моя память. Записки Никодима, епископа Красноярского. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М. 1877. Кн.2. Апрель-июнь. С.54.

Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. Ч.1. С.96.

О Филарете, митрополите Московском, моя память. Записки Никодима, епископа Красноярского. С.105,56,26.

Там же. С.19—20.

Письма Филарета, митрополита Московского, к Филарету Гумилевскому, впоследствии архиепископу Черниговскому. М. 1884. С.25.

Письма Московского митрополита Филарета к покойному архиепископу Тверскому
Алексию. С.35.

Сборник мыслей и изречений митрополита Московского Филарета. С.21.

Там же. С.28.

Там же. С.11.

Письма митрополита Московского Филарета к викарию московской епархии, епископу Дмитровскому Иннокентию. // Прибавления. М. 1873. Ч.25. Кн.4. С.555.

Сборник мыслей и изречений митрополита Московского Филарета. С.18.

Там же. С.20,56.

Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. Ч.4. С.496.

Письма митрополита Московского Филарета к викарию московской епархии, епископу Дмитровскому Иннокентию. // Прибавления. Ч.24. Кн.3. С.483.

Там же. Ч.25. Кн.1. С.63.

Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. Ч.1. С.352—353.

Там же. Ч.3. С.242.

О Филарете, митрополите Московском, моя память. Записки Никодима, епископа Красноярского. С.20.

Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. Ч.1. С.371.

Письма митрополита Московского Филарета к викарию московской епархии, епископу Дмитровскому Иннокентию. // Прибавления. Ч.25. Кн.4. С.561—562.

Сушков Н.В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. С.145—146.

Письма митрополита Московского Филарета к викарию московской епархии, епископу Дмитровскому Иннокентию. // Прибавления. Ч.24. Кн.3. С.472.

Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. Ч.1. С.388.

Там же. Ч.2. С.421,433. Ч.3. С.27.

Там же. Ч.2. С.103,123.

Там же. Ч.3. С.72—73.

Там же. Ч.1.С.189.

Сушков Н.В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. С.282. Митрополит Филарет нередко жалуется на обременение его делами и делает это в сильных выражениях. Еще будучи в молодых летах, он писал: «Много дел, много праздников, много людей, отнимающих время». (Письма митрополита Московского Филарета (в мире Василия Михайловича Дроздова) к родным. С.245). «Дела должности делаю, но их больше, нежели сил и времени». (Там же. С.350). К старости обременение делами еще умножилось. Он говорил: «Не знаю, что такое. Я как в неволе. Каждый день столько нападает на меня и людей и дел, что никак не успеваю». (Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. Ч.3. С.265.) Еще: «...разные вопросы на меня сыплются, как снег [очевидно, из Синода]. Некоторые из них походят для меня на загадки: тем не менее надобно отвечать». (Там же. Ч.4. С.227). Святитель сравнивал себя с евреями, работавшими на фараона. «Но я подобен евреям в Египте, которые весь день работали, чтобы сделать урочное число кирпичей, и которым велят из того же дня взять время, чтобы собирать плевы [т.е. солому для кирпичей]. Позабочусь, сколько умею». (Там же. С.272).

Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. Ч.2. С.277.

Там же. Ч.1. С.371.

Там же. Ч.4. С.78.

Там же. Ч.1. С.312—317,332—336,339,341,346,399—400,402 и др.

Там же. Ч.2. С.295,297—298.

Там же. С.251.

Письма митрополита Московского Филарета к викарию московской епархии, епископу Дмитровскому Иннокентию. // Прибавления. Ч.25. Кн.4. С.543.

Там же. С.565.

Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. Ч.3. С.302.

Там же. Ч.2. С.427.

Сушков Н.В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского.
С.280.

Письма митрополита Московского Филарета (в мире Василия Михайловича Дроздова) к родным. С.27—28,80—81.

Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. Ч.1. С.279.

Там же. С.361.

Там же. Ч.2. С.22.

Там же. Ч.4. С.208,236.

Там же. Ч.3. С.237.

Там же. Ч.1. С.162.

Там же. Ч.4. С.366. Нужно знать, что в те времена железнодорожная линия простиралась только до Сергиева Посада.

Там же. Ч.2. С.27—28.

Там же. С.127—128.

Там же. С. 384.

Там же. С.52.

Там же. С.132.

Сушков Н.В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского.
С.280.

Письма митрополита Московского Филарета к викарию московской епархии, епископу Дмитровскому Иннокентию. // Прибавления. Ч.24. Кн.3. С.475. Чудов монастырь от Архангельского собора отделяет одна только площадь.

Там же. Ч.25. Кн.1. С.5.

Там же. Ч.24. Кн.3. С.511.

Там же. Ч.25. Кн.2. С.189.

Чтения в Московском Обществе любителей духовного просвещения. М. 1870. Кн.10. Отд.2.
С.31.

Письма митрополита Московского Филарета к викарию московской епархии, епископу Дмитровскому Иннокентию. // Прибавления. М. 1886. Ч.37. Кн.1. С.316.

Там же. Ч.25. Кн.2. С.190.

Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. Ч.4. С.171—172.

Письма митрополита Московского Филарета к викарию московской епархии, епископу Дмитровскому Иннокентию. // Прибавления. Ч.25. Кн.1. С.52.

Там же. Кн.3. С.456.

О Филарете, митрополите Московском, моя память. Записки Никодима, епископа Красноярского. С.106.

Письма митрополита Московского Филарета к викарию московской епархии, епископу Дмитровскому Иннокентию. // Прибавления. Ч.25. Кн.4. С.576.

Сушков Н.В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. С.280.

Там же. С.292.

Там же. С.102.

Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. Ч.4. С.421.

Вслед за архимандритом Антонием и А.Н. Муравьевым и многие другие подталкивали митрополита Филарета к дерзновенному вмешательству. Там же. С.490.

Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. Ч.4. С.516.

Сборник мыслей и изречений митрополита Московского Филарета. С.17.

Там же. С.41.

А иного пути найти было трудно. Сам митрополит Филарет, призываемый к «исповедничеству», говорил: «Но пути Святителя Иоанна [конечно, Златоуста] теперь не найдешь». Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. Ч.2. С.401.

О Филарете, митрополите Московском, моя память. Записки Никодима, епископа Красноярского. С.105.

Сушков Н.В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского.
Приложения. С.29.